

амма неч ондан кери галмыр (М. Сулейманов) «Хотя Достали на несколько лет был моложе Пахлистана, но он не отставал от него» (аналитический тип); *Ушаглар нэ гэдэр халиш тидилерсэ дэ, хасэн дайы разы олмады* (Г. Мусаев) «Сколько бы дети ни просили, дяди Гасан не соглашался» (аналитико-синтетический тип).

6

На основании всего сказанного выше, можно сделать следующие выводы:

1. При определении критериев сложноподчиненного предложения в современном азербайджанском языке следует исходить не из привычных традиционных схем или рассмотрения этих вопросов с точки зрения других языков, а из внутренних законов развития азербайджанского языка, выявлять его специфические черты и на их основе устанавливать признаки и принципы классификации азербайджанских придаточных предложений.

2. Учитывая пути развития сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке и различный характер конструкций подчинения, нельзя отождествлять причастные и деепричастные обороты с придаточными предложениями.

3. Основным критерием при определении придаточного предложения в азербайджанском языке должен служить не факт самостоятельного употребления подлежащих в придаточных предложениях, а употребление сказуемого, выраженного личной формой.

4. Союзы и союзные слова в азербайджанском языке являются основными средствами связи придаточного предложения с главным.

М. Ш. Ширалиев

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема сложного, в особенности сложноподчиненного предложения является одной из самых трудных проблем синтаксиса дагестанских языков. Трудность эта обусловлена не только неизученностью синтаксического строя дагестанских языков, но и главным образом его специфическими особенностями. Последние заключаются в том, что, при слабом развитии подчинительных союзов для присоединения придаточных предложений к главному, вместо них используются в этих языках различные союзные выражения, частицы, послелоги, а также отглагольные формы со специальными аффиксами. При этом они не только выступают как средства синтаксической связи между предложениями, но имеют в ряде случаев также и другие функции и значения; что же касается предикативности, то у разных отглагольных форм она выявляется в различной степени в зависимости от синтаксического окружения. Все это чрезвычайно затрудняет строгое отграничение придаточных предложений от оборотов, не являющихся предложениями.

Наиболее употребительными формами грамматического выражения подчиненной, зависимой мысли в дагестанских языках являются отглагольно-именные, причастные и деепричастные конструкции. Подобные конструкции мы находим также в тюркских языках. На синтаксическую природу этих конструкций, как известно, существуют различные, противоречивые взгляды. Одни из языковедов безоговорочно считают их придаточными предложениями, другие — с некоторыми оговорками, а третьи вовсе не признают их предложениями. Но как бы они ни квалифицировались, нельзя, по нашему мнению, обойти их молчанием при изучении сложноподчиненного предложения, ибо предложения с этими конструкциями тесно примыкают к сложноподчиненному предложению, представляя собою определенную ступень в его развитии. Поэтому мы начнем с рассмотрения подобных конструкций.

Как и ряд других языковедов, мы относим упомянутые конструкции к придаточным предложениям в том случае, если отглагольное имя, причастие или деепричастие, выражая сказуемое, имеют свое особое подлежащее, отличное от подлежащего при главном сказуемом. Однако мы должны тут же оговориться, что даже при наличии самостоятельного подлежащего мы считаем эти конструкции только не д о с т а т о ч н ы м и придаточными предложениями особого типа.

Следует коснуться еще двух вопросов, прежде чем перейти к конкретному анализу фактического материала. Во-первых, нельзя игнорировать функциональные различия между причастно-деепричастными формами дагестанских языков, в частности лезгинского языка, и русскими причастиями и деепричастиями. Во-вторых, необходимо учесть, что придаточные предложения являются зависимыми, подчиненными и

что эта грамматическая зависимость в лезгинском языке часто находит выражение в особых формах зависимого сказуемого.

Переходя к рассмотрению фактов, мы начнем с масдарной конструкции. Масдар (т. е. именная форма глагола), с одной стороны, подобно имени, изменяется по падежам, а с другой, подобно глаголу, управляет определенным падежом и, выступая в роли сказуемого, может иметь при себе самые различные члены предложения. При этом падежная форма выражения субъекта зависит от семантики масдара (эргативный падеж при переходных глаголах и именительный — при непереходных).

Когда масдарная конструкция в предложении выполняет функцию подлежащего, ее невозможно рассматривать как особое предложение. Масдарная часть отличается от обычного именного подлежащего лишь тем, что она является сочетанием отглагольного имени с относящимися к нему словами, причем ни один из членов масдарной конструкции не может рассматриваться как грамматическое сказуемое. Предложение *Вун гьар юкъуз пакамаъ фад къарагъуни/чун глаф тажубийна* «Нас очень удивляет то, что ты ежедневно встаешь утром рано» (буквально: «Ты каждый день утром рано вставание нас очень удивляет») нет достаточных оснований рассматривать как сложноподчиненное. Такой же характер имеет и предложение, в котором масдарная конструкция выполняет функцию сказуемого. Например: *Зи мурад/дун гьаниа фин я* «Я желаю, чтобы ты отправился туда» (буквально: «Мое желание ты туда хождение есть»).

Несколько иное положение мы имеем в том случае, когда масдарная конструкция выступает в функции второстепенных членов. Здесь главная часть предложения выделяется как отдельное, главное предложение, а масдарная часть может рассматриваться как придаточное предложение или, по крайней мере, развернутый член: *Юлдаш татуикди/дадан кефи дурхана* «У него испортилось настроение, оттого что не пришел товарищ» (буквально: «товарищ не прибытие...») — с окончанием местно-направительного падежа).

Больше оснований относить к придаточным предложениям причастные конструкции. Лезгинские причастия, за исключением одного (прошедшего совершенного времени), по своей звуковой форме полностью совпадают с соответствующими временными формами изъявительного наклонения глагола. Эти единные формы глагола-причастия выступают — в зависимости от их позиции в предложении — то как глаголы, выполняющие функцию самостоятельного сказуемого в отдельном предложении, то как причастия, функционирующие в качестве определения или зависимого сказуемого в определительном предложении. Например: 1) *За ктаб качувай* «Я покупал книгу» и 2) *За качузвай ктаб* «Книга, (которую) я покупал».

Такое же морфологическое неразличение некоторых причастий и обычных временных форм глагола мы находим и в тюркских языках, в частности в кумыкском и башкирском. Исследователь этих языков Н. К. Дмитриев пишет, что «глагольные образования на *-ган* и на *-асак* настолько богаты по своим функциям, что роль причастий — это только одна сторона их употребления»¹. Приведем один пример из учебника кумыкского языка, где из двух простых предложений путем простого слияния при помощи интонации образовано одно сложное предложение: 1) *Ватмакълар къуртулгъан* «Болота осушены» и 2) *Аслакъларда бу йыл яхшы ашмакълар битген* «На полях в нынешнем году уродились хорошие хлеба» > *Ватмакълар къуртулгъан/аслакъларда бу йыл яхшы ашмакълар битген* «На полях, (где) осушены болота, в нынешнем году уродились хорошие хлеба».

Следовательно, одна и та же форма выполняет две функции — функцию сказуемого и функцию определения. Выступая в качестве определения к члену следующего за ней предложения, она не утрачивает полностью функцию сказуемого по отношению к своему подлежащему и другим членам, вместе с которыми она составляла простое предложение, но, оставаясь сказуемым, качественно отличается от сказуемого самостоятельного предложения. Устанавливая с другим, главным, предложением определительную связь, сказуемое первого предложения из независимого превращается в зависимое, но все же остается сказуемым по отношению к своему подлежащему. Чтобы показать это наглядно, приведем пример из лезгинского языка: 1) *За магазиндай са ктаб къачуртай* «Я собирался купить одну книгу в магазине», 2) *Ам Мусади къачуна* «Ее купил Муса». Соединив эти два предложения, мы получим одно сложное: *За магазиндай къачузвай/ктаб Мусади/къачуна* «Муса купил в магазине книгу, (которую) я собирался купить» (буквальный перевод невозможен, приблизительно же он соответствует такому неуклюжему обороту: «Я в магазине покупал || (мною) покупаемую книгу Муса купил»).

Слово, бывшее прямым дополнением в первом предложении, теперь входит в состав второго в качестве его дополнения, определяемого причастием, при помощи которого первое предложение вступает со вторым в определительные, зависимые отношения.

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М. — Л., 1948, стр. 190. См. также соответствующие главы его «Грамматики кумыкского языка» (М. — Л., 1940).

Двусторонняя связь причастия особенно наглядно выявляется в аварском языке благодаря наличию в нем согласующихся классных показателей: *Axl'madiца tlexъ босарай яс ячлана* «Пришла дочь || девушка, (для которой или у которой), Ахмед купил || взял книгу». Начальный классный формант *б* причастия связывает его с прямым дополнением *tlexъ*, а конечный формант *й* — с определяемым им подлежащим главного предложения *яс*.

Следует также отметить, что в качестве одного из членов причастной конструкции нередко используется возвратное местоимение, замещающее присутствующий в главной части член предложения. По синтаксической функции такое местоимение до некоторой степени походит на русское относительное *который* или *чей*; выступая в качестве подлежащего причастного придаточного предложения особого типа, оно способствует усилению его относительной самостоятельности. Например: *Ада вичи къачур ктаб стхадна гана* «Книгу, которую он купил || взял, он отдал брату» (буквально: «Он сам купивший || купленную книгу отдал брату»); *Ада вич фейи шегьердикай эхтилатна* «Он рассказал о городе, в который он ездил» (буквально: «Он, сам ездивший || куда ездил, о городе рассказывал»).

Подобное употребление возвратного местоимения вполне соответствует грамматическим нормам языка, когда оно не относится к определяемому причастием слову. Употребление же его для замещения того же члена, что определяется причастием, мы встречаем сравнительно редко, главным образом в стихотворной речи. Например: *Ислагъ-виллин женгина чеб садхъанвай гегметчийрин гъакъикъи дустар я чун* «Мы подлинные друзья трудящихся, которые объединились» [буквально: «Сами (объединившиеся) в борьбе за мир»]. Подобное местоимение легко может быть устранено из фразы без ущерба для смысла, а иногда оказывается и совершенно лишним, так как придает фразе некоторую искусственность. В даргинском литературном языке перевод русских союзных слов *который*, *какой*, *чей* возвратным местоимением и постановку определительного словосочетания после определяемого слова, что является результатом калькирования русских определительных придаточных предложений, литературные работники — даргинцы, однако, уже считают вполне нормальным явлением. Так, предложение *Axl'cad ançibuklymaziб илди баршидешиличил гьербикули саби гвар жу-рала динна гелла гъаладиклуми ва диннати гъанбиклуми тинт/динниличил, чунира советский адамти рухлагшал чулахъбирүти ва гъашибирүти* («Дагъыстан правда» 27 VII 1954) представляет собою перевод следующей русской фразы: «В ряде случаев они примиренчески относятся к распространению различного рода предрассудков и суеверий, которые духовно калечат и принижают советских людей» (Передовая «Правды» 24 VII 1954).

«Нормальность» такого калькирования, по нашему мнению, весьма условна и даже сомнительна. Во-первых, возвратное местоимение даргинского языка, включенное в причастную конструкцию, все же не утрачивает своего первоначального реального значения и не приобретает союзной функции русских местоимений *который*, *какой*, *чей*. Во-вторых, оно не преобразует причастную конструкцию в развитое придаточное предложение со сказуемым в форме *verbum finitum*. Место сказуемого в определительном словосочетании или придаточном предложении особого типа, как и прежде, занимает причастие. Приведет ли подобное использование возвратного местоимения к превращению его в союзное слово, а причастной конструкции — во вполне развитое придаточное предложение, сказать трудно, но тенденция такого рода ясно видна из указанных примеров.

Причастную конструкцию особого типа составляет также и субстантивированная форма причастия. Она образуется при помощи суффиксов *-ди* для единственного и *-бур* для множественного числа. Число причастия зависит от числа существительного, названного в другой части предложения или подразумеваемого в данном контексте. Благодаря этим суффиксам, причастие приобретает способность склоняться, выполняя все синтаксические функции, свойственные существительному и таким путем выражая его синтаксические связи.

Агъмеда гъайииди за келна «Я прочитал ту, которую принес Ахмед» или: «Я прочитал принесенную Ахмедом»; *Чун фейиди колхоздин багъ тир* «(куда) мы ходили, был колхозный сад» (перевод причастным оборотом невозможен, буквально: «Мы пошедший/колхоза сад был»); *Чун фейибур колхоздин багълар тир* «(куда) мы ходили, были колхозные сады» (буквально: «Мы пошедшие/колхоза сады были»). Окончание множественного числа причастия здесь относится не к местоимению *мы*, а к существительному *сады*. Об этих конструкциях с субстантивированным причастием, изменяющимся по числам, нужно сказать то же, что сказано выше о масдарной конструкции в функции подлежащего или сказуемого.

Более интересными с точки зрения развития сложного предложения в лезгинском языке и, в частности, развития функций суффикса субстантивации причастия *-ди* являются случаи с субстантивированными причастиями, не изменяющимися в числе. Здесь суффикс причастия служит лишь средством связи причастного придаточного предложения с главным, указывая, что первое относится ко второму как подлежащее, дополнение или обстоятельство. Например: *Им вичи статья тирди адаз чирхъана*

(А. Фатахов) «Он узнал, (что) это является его статьей» (буквально: «Эта своя статья являющаяся/ему стало известно»); *За авайвал лагьайди ам алай рази тьаа* (П. К. Услар) «Когда я сказал правду, он остался мною доволен». Причастные придаточные предложения в этих случаях выполняют функцию различных членов главного предложения: в первом примере — функцию подлежащего, во втором — обстоятельства времени. Постановка имен во множественном числе в таких предложениях не вызывает изменения числа причастия, например: *Ибур чшии стат-яар турди абурз чиргана* «Они узнали, что это их статьи». Суффикс *-ди*, достигнув наибольшей степени абстракции, в данном случае превратился в средство связи придаточного предложения с главным.

Специальные формы «временного подчинения» мы условно называем деепричастиями, хотя по морфологическим признакам и синтаксическим связям они принципиально отличаются от русских деепричастий. Значение некоторых из них по-русски может быть передано только при помощи союзных выражений «как только», «прежде чем», «до того как», «после того как» и т. д. Это положение распространяется и на все другие лезгинские деепричастия в тех случаях, когда они входят в обороты с особым подлежащим, отличным от подлежащего главного сказуемого, что невозможно для русских деепричастных оборотов.

Рассматриваемые формы образуются при помощи различных суффиксов от причастий и отдельных форм изъявительного наклонения глагола; суффиксы в них служат средствами связи придаточного предложения с главным. Приведем некоторые из этих форм, образованных от одного глагола и употребляемых в роли сказуемого придаточного предложения: *Зун фейи-ла*, *Агмед ксанамай* «Когда я пошел (т. е. пришел), Ахмед еще спал»; *Зун квалай фейивалди*, *Агмед атана* «Как только я из дома ушел, пришел Ахмед»; *Зун шло-ладиз фидай-а* (или: *физвай-а*), *Агмед кучедал ацукнавай* «Когда я шел в школу, Ахмед сидел на улице».

Сказуемые придаточных предложений в первом и во втором примерах выражены деепричастиями, образовавшимися от причастия *фейи* «пошедший» при помощи суффиксов *-ла* и *-валди*. В третьем примере деепричастие образовано от формы прошедшего несовершенного времени глагола, совпадающей с формой причастия будущего-общего времени *фидай* (или прошедшего — *физвай*). Эти формы без деепричастного суффикса могут выступать как в роли определения, так и в роли сказуемого отдельного, самостоятельного предложения. Следовательно, деепричастный суффикс, как мы видим из вышеприведенных примеров, выполняет функцию средства присоединения придаточного предложения как развернутого обстоятельства времени к главному.

Таким образом, эти специальные формы, условно называемые нами деепричастиями, обладая значительной степенью предикативности, способны сочетаться со своим особым подлежащим и образуют зависимые, придаточные предложения особого типа. Рассмотрим в небольшой статье все отглагольные формы и служебные слова, при помощи которых выражается зависимое сказуемое придаточного предложения, конечно, невозможно. Поэтому остановимся еще только на одной глагольной форме, которая, будучи снабжена соответствующим суффиксом, выражает сказуемое различных придаточных предложений. Это форма условного наклонения глагола.

Условное наклонение в лезгинском языке образуется от изъявительного наклонения глагола, а также от причастия при помощи суффикса *-ла*, генетически восходящего к вопросительному наречию *ла?* «почему?» (которое ныне употребляется как самостоятельное слово лишь в отдельных говорах), например: *квачуналла* «если берет» и т. д.

Условная форма глагола, во-первых, образует условное придаточное предложение, например, *Камил физвалла, ва адан нул сугуда* «Если Камиль отправляется, я дам ему деньги»; во-вторых, условной формой выражается сказуемое подлежащих и дополнителей придаточных предложений, развившихся из вопросительных предложений со значением косвенного вопроса. Например: *Ваз, Муса хтаналла, чидани?* «Знаешь ты, Муса вернулся или нет?»; *За садра, кнали ханвалла, акван* «Я сперва посмотрю, отелилась ли корова» и т. д.

То же самое можно отметить и для тюркских языков, где в качестве сказуемого условного придаточного предложения выступает специальная условная форма глагола. Например, в кумыкском: *Ол кеп мамукъ жыйса, огар савгъат бережеклер* «Если он соберет много хлопка, ему дадут премию».

В приведенном выше примере условное придаточное предложение соединено с главным только при помощи условной формы без каких-либо союзов, хотя во всех упомянутых языках — в одних больше, в других меньше — употребляется как необходимый персидский союз *эгер*. Условная форма глагола выражает только зависимое сказуемое придаточного предложения. В этом отношении она не отличается от тех форм, которые называются нами деепричастиями времени и выражают также зависимое сказуемое придаточных предложений обстоятельства времени. Правда, в языках, где глагол спрягается по лицам, условная форма принимает личные окончания, например, в азербайджанском: *Сиз бизе жалсаниз, биз чох шад оларыз* «Если вы к нам

придете, мы будем очень рады». Но от этого сказуемое придаточного предложения не становится независимым, и образованное с его участием условное предложение не может употребляться самостоятельно, так же как конструкции с деепричастными формами в сказуемом. В отношении зависимого характера сказуемого нет никакого различия между условной формой *динларса* «если, послушает» и деепричастной *динларкан* «когда слушал».

Мы вкратце охарактеризовали основные формы выражения зависимого сказуемого специфических конструкций в лезгинском языке, условно называемых нами недостаточными придаточными предложениями особого типа. Эти формы не в одинаковой степени обладают предикативностью. Конструкция с зависимым сказуемым в условной форме глагола почти всеми языковедами безоговорочно относится к придаточным предложениям.

Конструкции же с деепричастными формами некоторые языковеды, как уже было сказано, не признают предложениями, хотя они по способу образования и способности выражения зависимого сказуемого почти не отличаются от конструкций с условной формой глагола. Конструкции с условной и с деепричастными формами имеют все признаки, позволяющие считать их в одинаковой степени зависимыми, придаточными предложениями особого типа (достаточная смысловая и интонационная ограниченность от главной части сложного предложения, достаточная предикативность, наличие всех членов, какие может иметь предложение, и наличие специальных аффиксов и послелогов для выражения связи между придаточным и главным предложениями).

В масдарных и причастных конструкциях некоторые из этих признаков (пауза, предикативность) в отдельных случаях проявляются несколько слабее, но и они, за исключением указанных выше случаев выполнения ими функций подлежащего или сказуемого, в общем могут быть отнесены к недостаточным придаточным предложениям.

Рассмотренные нами конструкции нельзя отождествлять с причастными и деепричастными оборотами русского языка лишь на том основании, что они в какой-то мере соответствуют друг другу. Чтобы правильно определить их грамматическую природу, по нашему мнению, необходимо, отказавшись от отождествления грамматических категорий двух разноструктурных языков, глубже изучить факты исследуемого языка.

Перейдем теперь к рассмотрению некоторых средств и способов присоединения к главному таких придаточных предложений, сказуемое в которых выражается вполне предикативными спрягаемыми формами глагола, выступающими в качестве сказуемых самостоятельного предложения. Следует начать со своеобразного типа сложного предложения с прямой или косвенной речью, так как именно оно послужило, очевидно, началом для развития некоторых сложноподчиненных предложений: *Абур зи патав атайбур я, — лагыана Айшади* (А. Аг.) «Они ко мне пришли, — сказала Айша»; *Ада вич пака жьведач лугьуда* «Он говорит, что завтра он не придет» (буквально: «Он, сам завтра не придет, говорит»). В дальнейшем развитии языка некоторые формы глагола *лугьун* «говорить, сказать», выступая сначала в роли отдельных членов предложения, постепенно приобретают функцию средства связи между предложениями.

Как на один из моментов на этом пути следует указать на употребление формы прошедшего I от данного глагола при сказуемом, выраженном каким-либо другим глаголом речи. Например: *Ни эверзава, ччан халадин?* — *лагана табар къуна* Рабията «Кто зовет, милый мой?» — спросила (буквально: «сказав спросила») Рабията; *Курн гаф сагзрай*, — *лагана жаваб гана Билала* «Большое вам спасибо, — ответил (буквально: «сказав ответил») Билал».

Основную функцию сказуемого главного предложения здесь несут глаголы *жуьуна* «спросил» и *жаваб гана* «ответил», а глагол *лагана*, имея значение деепричастия, в данном случае выполняет как бы функцию связи между прямой речью и словами автора повествования. Здесь глагол-деепричастие *лагана* еще сохраняет свою основную семантику, хотя и несколько ослабленную, что уже является началом развития у него союзной функции.

Условно называемые нами деепричастными формы *лугьуз* «говоря» и *лагана* «сказав» в настоящее время широко употребляются в языке как союзные выражения, при помощи которых присоединяются к главному некоторые дополнительные и обстоятельственные придаточные предложения. Например: *Кье са чна шадвал ийизва лаганы фикир ийизвани вуна?* «Ты думаешь, что одни мы радуемся сегодня?» (буквально: «Сегодня одни мы радуемся сказав, думаешь ли ты?»); *Гила бубадинни жин арада кьванне ни фад кутягьдатла лугьуз соревнование башиламина* «Теперь между отцом и сыном началось соревнование в том, кто раньше закончит работу» (буквально: «... кто раньше закончит работу говоря ...»); *Нехир жьведач*

лугьуз югъ нани жедачни? «Оттого, что стадо не возвращается, разн^е не наступает вечер?» (буквально: «Стадо не возвращается говоря, вечер не наступает разве?»).

В функции союза употребляется также и причастие *лагбай* «склонный/сказавший», при помощи которого присоединяется придаточное предложение, определяющее какой-либо член главного предложения, выраженный одним из таких слов, как *хабар* «весть, известие», *фикир* «мысль», *гаф* «слово». Например: *Буба хъвезва лагбай хабарди ам гаф шад авунай* «Весть о том, что возвращается отец (буквально: «отец возвращается сказанная весть»), очень обрадовала его».

Тот же глагол *лугьун* участвует в образовании союзного выражения *вучиз лагбай-тла*, при помощи которого присоединяется к главному предложению придаточное причины. Например: *Чун и йириз айвандик кана, вучиз лагбайтла кна-е гаф чимидай* «В эту ночь мы спали на балконе, так как в комнате было очень жарко». Союзное выражение состоит из вопросительного наречия *вучиз?* «почему?» и условной формы глагола *лагбайтла* «если скажут». Оно, повидимому, представляло собой условное предложение, которое приобрело союзную функцию, постепенно утратив свое первоначальное значение.

Подчинительная связь между предложениями устанавливается также при помощи соотносительных местоимений и наречий. Например: *Ни хъсандиз клелзаватла, гьам атурай* «Пусть придет тот, кто хорошо учится»; *Ни хъсандиз клелзаватла, гьам чна экскурсияда ракурда* «Кто хорошо учится, того мы пошлем на экскурсию»; *Вун мус атайтла, гьа члавуз за ваз ктаб гуда* «Когда ты придешь, тогда я и дам тебе книгу» и т. д.

Сказуемое придаточного предложения в таких оборотах выражается условной формой глагола. Однако не условная форма здесь определяет характер синтаксических отношений придаточного предложения к главному, а указательное местоимение или наречие в составе главного предложения.

Как на одно из исконно лезгинских средств связи предложений следует указать также на модальную частицу *кьван*. В сложном предложении она, соответствуя приблизительно союзным выражениям русского языка *каждый раз, как (когда); до тех пор, пока; раз* выполняет функцию союза, связывающего с главным один из видов условного и некоторые обстоятельственные придаточные предложения. Например: *Са хун! небес ччанда амай кьван, Ватандин реке эцгеда за ччан* (Ш. Мурадов) «Пока в теле остается хоть один глоток дыхания, жизнь положу (отдам) и за Родину»; *Я стга, мад ваз алъвазиз кланзава кьван, за вуч ийин* (А. Фатахов) «Раз ты хочешь остаться, брат, что же мне делать».

Условное придаточное предложение в лезгинском языке, как уже было сказано, выражается при помощи условной формы глагола. Однако в языке существуют заимствованные из персидского языка условные союзы *эгер* «если», *нагагъ* || *гьагьагъ* «если случайно; в случае, если». Хотя они вошли в язык очень давно, но особенно широкое употребление получили только после появления письменности на лезгинском языке. Эти союзы, при наличии в придаточном предложении сказуемого в условной форме глагола, не вносят ничего нового, существенного в содержание высказывания, но лишь грамматически оформляют его как союзное сложное предложение. Подобная тенденция к развитию и расширению союзного способа соединения предложений в лезгинском языке наблюдается и в других случаях.

Особого внимания в этом отношении заслуживает, наконец, союз *хьи* <ки, по происхождению являющийся персидским союзом *ке||ки*. Он широко распространен в соседнем азербайджанском языке, а из дагестанских языков — в табасаранском. В лезгинском языке союз *хьи* употребляется как в качестве приглагольной частицы с различными модальными значениями, так и в функции подчинительного союза. П. К. Услар в свое время писал, что лезгины иногда употребляют союз *ки*, но легко могут обойтись и без него¹. Союз *хьи* получил широкое распространение в лезгинском языке, особенно в последнее время в результате его литературного развития.

Приведем примеры на его употребление: *Атна адаз чирхъана хьи, вичиз кьумек аевурди Хидир-Ильяс тирди* (М. Эфендиев) «Потом он узнал, что ему помог Хадер-Илиаз». Здесь для соединения частей сложного предложения использованы одновременно союз *хьи* и форма сказуемого придаточного предложения (субstantивированное причастие-связка *тирди*). В следующем примере наряду с союзом *хьи* в придаточном предложении использовано служебное слово *чал* (буквально: «язык, речь»): *Сиклрез чирхъана хьи, вич жанаевурди рекьидай чал* «Лисица узнала, что волк убьет ее».

А в следующем примере средством связи служит только один союз *Гьич вазт* *Мумкин тушки, винэсирару, асландиз таб гуй* (П. К. Услар, 278) «Никогда невозможно, чтобы цепи удержали льва».

Значительный интерес с точки зрения развития сложного предложения в лезгин-

¹ См. П. К. Услар, Этнография Кавказа. Языковедение. VI — Кюринский язык, Тифлис, 1896, стр. 254.

ском языке и, в частности, развития функции союза *хъи* представляет следующее предложение: *Сиве авай сарар аватъна, адахъ виликай тек са кагъриба хътин сас амай хъи, гъадани, рахадайла, ттарал алай пеш хъиз зурзас, адан рихунар мадни гъавурда дакъадайвал ийидай* (А. Искендеров) «Все зубы во рту у него выпали, остался лишь один передний зуб, похожий на янтарь, да и тот, дрожал, как лист на дереве, когда он говорил, делал его речь еще более непонятной».

Из этого примера мы возьмем лишь часть, интересующую нас, а именно два предложения, соединенные союзом *хъи*: ... *адахъ виликай тек са... сас амай хъи, гъадани...* *адан рихунар мадни гъавурда дакъадайвал ийидай* «...у него оставался лишь один передний зуб, да и тот... делал его речь еще более непонятной». Два предложения здесь связаны при помощи подчинительного союза *хъи*, однако смысловые отношения между ними носят чисто сочинительный характер. Эти отношения грамматически поддерживаются сочинительным союзом *ни «и, да»*, присутствующим во втором предложении (*гъадани...*). Подчинительный союз *хъи* не вносит ничего нового в эти отношения, а лишь усиливает, делает более тесной грамматическую связь между предложениями, придавая ей характер подчинения, хотя ни одно из них не подчинено другому и не выполняет функцию члена другого.

Развитие подобных сложных предложений и расширение сферы употребления союза *хъи* происходит под влиянием русского языка, в частности, по аналогии с конструкциями так называемого относительного подчинения, например: *Все материалы были доставлены к сроку, что дало нам возможность немедленно приступить к работе*.

Мы могли дать лишь очень краткий обзор отдельных видов лезгинских отглагольно-именных, причастных и деепричастных конструкций, а также некоторых средств соединения компонентов сложноподчиненных предложений. Этот обзор позволяет сделать следующие выводы:

1. Причастно-деепричастные и отглагольно-именные конструкции дагестанских языков не укладываются в известные нам по русскому языку синтаксические схемы. Нельзя приравнивать эти конструкции ни к русским причастным и деепричастным оборотам, ни к развитым придаточным предложениям с союзами или союзными словами и сказуемым в форме *verbum finitum*. Они представляют собою специфические конструкции, обладающие такими свойствами, которые позволяют — при наличии у них своего подлежащего — отнести их к недостаточным придаточным предложениям особого типа. Степень предикативности этих конструкций неодинакова. В наибольшей степени обладают предикативностью деепричастные и особенно условные конструкции; больше всего сомнений в правомерности отнесения к придаточным предложениям вызывают масдарные и некоторые виды причастных конструкций. Задача исследователя заключается в дальнейшем углубленном изучении этих оборотов во всех родственных, а также и близких в структурном отношении языках, чтобы более точно определить синтаксическую природу и их место в системе средств и способов выражения сложной мысли в данных языках.

2. В литературе высказывалось мнение, что развитие сложного предложения может идти двумя путями: 1) путем слияния двух самостоятельных предложений и 2) путем постепенного превращения причастной, деепричастной или отглагольно-именной конструкции в придаточное предложение. Процесс преобразования указанных конструкций во вполне развитые придаточные предложения с союзом или союзным выражением в составе сложноподчиненных происходит медленно и сопровождается введением каких-либо лексических средств связи между придаточным и главным предложениями, но даже после появления особых союзных слов сказуемое придаточного предложения продолжает выражаться причастной формой (как, например, в приведенных выше предложениях с союзом *хъи* «что»).

Следует отметить, что между указанными двумя путями развития сложного предложения нет непроходимой грани. Способ соединения двух самостоятельных предложений в одно сложное мы находим не только в развитии по первому пути, но и в образовании того особого типа придаточного предложения, которое, казалось бы, должно служить иллюстрацией второго пути. Например, самостоятельное предложение со сказуемым в единой форме глагола-причастия присоединяется в качестве придаточного определительного к другому или посредством интонации (как в приведенном выше примере из кумыкского языка), или при помощи интонации и удаления члена первого предложения, повторяющегося во втором (как в лезгинском языке).

Возникновение и развитие сложного предложения из простого (второй путь) нужно понимать в том смысле, что член предложения, выраженный отглагольным именем, причастием или деепричастием, снабжается различными аффиксами и послеложными словами и обрастает всеми членами, какие может иметь предложение. Но о преобразовании таких конструкций во вполне развитое придаточное предложение мы судим по замене причастной формы сказуемого формой *verbum finitum* с использованием тех или иных союзных слов. Вопрос о двух путях возникновения и развития сложного предложения является исключительно трудным и нуждается в дальнейшем изучении и разрешении на фактическом материале различных языков.

3. Развитие сложноподчиненного предложения в лезгинском и других дагестанских языках в настоящее время идет интенсивно под влиянием русского языка. Это влияние сказывается не только в появлении подобных приведенным выше из даргинского языка причастных конструкций с возвратным местоимением, представляющих собою частичную кальку русских определительных придаточных предложений, но и в дальнейшем развитии существовавших в лезгинском языке сложноподчиненных предложений с союзами или союзными словами, таких, например, как приведенное выше сложное предложение с союзом *хъи* «что», или таких, как *Вуж машинда ксудатIа, ам шофер туш* «Кто засыпает в машине, тот не шофер», с относительными местоимениями. Хотя подобные предложения в лезгинском языке возникли еще давно, но широкое пользование русским языком и практика переводов с него дали серьезный толчок к дальнейшему развитию их, к расширению функций и сферы употребления союзов и союзных слов на основе заложенных в данном языке закономерностей его развития.

М. М. Гаджиев